

АДАПТИВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

А. Н. Алёхин, С. И. Беляева

Аннотация. В статье анализируются результаты исследований психических процессов и свойств у детей, подростков и юношества, психическое развитие которых осуществлялось в условиях экспансии информационной среды и виртуализации ведущих видов деятельности. Использовался сравнительный метод — сопоставление результатов архивных исследований, проведенных в «доцифровую эпоху», с результатами собственных аналогичных экспериментально-психологических и патопсихологических исследований. Полученные данные дают основания утверждать о социокультурной трансформации психической деятельности человека и ставить вопрос об условности некоторых психологических представлений о норме, сформированных в доцифровых условиях формирования и развития психики.

Ключевые слова: цифровое пространство, виртуализация, психическая реальность, формирование мышления, псевдопатопсихологические феномены мышления, фабула бреда, система отношений

ADAPTIVE CHANGES IN THE MENTAL ACTIVITY OF A MODERN HUMAN

A. N. Alekhin, S. I. Belyaeva

Abstract. The article analyzes the results of research on mental processes and properties in children, adolescents and youth, whose mental development took place during the expansion of the information environment and virtualization of key activities. The research is based on a comparative method — the results of archival studies conducted in the pre-digital era were compared with the results of our own similar experimental psychological and pathopsychological studies. The obtained data give grounds to assert the sociocultural transformation of human mental activity and raise the question of the conditionality of some psychological ideas about the norm formed in pre-digital conditions of the formation and development of the psyche.

Keywords: digital space, virtualization, psychic reality, formation of thinking, pseudo-pathopsychological phenomena of thinking, plot of delirium, system of relations

Введение

Для медицинской психологии принципиально важно понимание закономерностей развития человека в сложносоставном единстве двух линий: натуральной и культурной [8]. Наиболее тесное переплетение биологического и социального в развитии становится очевидным при рассмотрении генезиса психических функций человека, формируемых на базе биологического субстрата

в практической деятельности и общественных практиках, сопровождаемых процессом означивания [8; 18; 22]. В процессе этого развития формируется *психическая реальность* человека, которая «имеет косвенную отраженную природу, опосредованную нервной системой и другими психосенсорными процессами, включая и психолингвистические... и является единственной реальностью, которую мы можем переживать непосредственно» [11, с. 119]. Иначе эта идея

была выражена Дж. Локком, который писал, что в разуме нет ничего, чего не было бы раньше в чувствах. На протяжении всей истории человечества психическая реальность индивида формировалась в результате непосредственного взаимодействия с физическими объектами окружающей действительности. Широкое и повсеместное внедрение смартфонов нарушает эту закономерность, сдвигая активность формирующейся психики детей в сферу невещественного, виртуального.

Культура, приобретает новое качество: «...человек не просто порождает новый предметный мир, но создает объекты другой природы — мультимедийной» [29, с. 32]. Новая среда деятельности человечества представляет собой цифровое пространство, в котором виртуальная реальность выступает как продолжение физического и социального пространств [20]. Ее качественными характеристиками являются: социокультурная неопределенность, текучий характер реальности, гиперинформационная насыщенность, противоречивость и фрагментарность множественных потоков информации, ускорение пространственно-временной организации жизни человека, виртуализация жизнедеятельности человека, в том числе частичная подмена игры и общения виртуальными замещениями. Важным отличием цифрового пространства является создаваемая им сетевая структура коммуникации и мышления (отсутствие разделения на главное и второстепенное, отсутствие иерархии, множественность связей между равнозначными узлами сети) [5; 10; 13; 15; 21].

Адаптация психики к таким условиям порождает феномены, которые еще совсем недавно рассматривались в качестве признаков нарушений психических процессов и свойств в клинической психологии. Однако эти феномены все чаще наблюдаются у практически здоровых людей, и они обусловлены не болезненным процессом, а приспособлением психической деятельности к новым условиям существования, точнее, к условиям формирования и развития психики в онтогенезе.

Становятся актуальными проблемы дидактики, адекватной новым свойствам психической деятельности, проблемы анализа поведения человека в условиях нормы и патологии, экспертизы противоправного поведения, целый ряд других проблем, которые разрешались в психологии человека, формирующегося в иных условиях.

Анализ основных исследований и публикаций

В новой цифровой среде человек оказывается в гиперзнаковой реальности, где чувства и мышление не могут в полной мере ориентировать человека, как это было в реальности аналоговой. В измененных условиях жизнедеятельности у практически здоровых людей наблюдаются нарушения психической деятельности, подобные клиническим, но возникающие по психологическим механизмам так называемые псевдопсихопатологические феномены, описанные впервые в экспериментальных исследованиях состояний сенсорной депривации [14].

При глубокой и длительной погруженности человека в цифровую среду вырабатываются психические и физиологические навыки поиска информации, в то время как навыки концентрации и обдумывания, классификации и категоризации не тренируются в привычной форме, формируется фрагментарность мышления и восприятия, отмечается неустойчивость внимания [12; 26; 34; 35].

Констатируются психопатологические последствия технического прогресса и их влияние на усиление стрессовых факторов, а также на развитие и хронификацию психических заболеваний, в особенности заболеваний невротического плана [30]. Проблемой становится гипервключенность (навязчивая потребность в использовании информационных ресурсов и паника при отсутствии интернета), а также нарушение приватности, изменение телесных границ человека и структуры его потребностей, что приводит к нарастанию вероятности

формирования интернет-зависимости. Отмечается риск утраты переживания различий между виртуализированной деятельностью и деятельностью непосредственной [9].

Множественность привлекающих внимание стимулов виртуальной реальности интенсифицирует использование детьми и подростками электронных устройств, уменьшая время общения и снижая значимость близких отношений с взрослыми в процессе получения знаний [20]. В результате к подростковому возрасту возникает иллюзия осведомленности, сочетающаяся с девальвацией ценности знаний и умений родителей, педагогов и наставников. Среди возможных последствий такого размывания социальной иерархии называются такие, как разрушение целостности причинно-следственных связей [6], чрезмерная автономия и снижение значимости «Другого» [17] при возрастании психологической нуждемости современных людей в технических средствах, сопровождаемой страданием при их недоступности (киборгизация).

Современные исследования [4; 7; 27] обнаруживают тенденции ослабления взаимодействия между взрослыми и детьми, что сказывается на их речевом развитии, затрудняет формирование психических процессов, а именно логического мышления, воображения, восприятия речевой информации на слух. Это может быть обусловлено тем, что современный ребенок получает информацию при взаимодействии с различными электронными устройствами, в то время как раньше дети познавали мир в общении с родителями при непосредственном контакте с объектами действительности. То есть ведущие виды деятельности, обеспечивающие обычное психическое развитие личности ребенка, подменяются их медийными симуляциями. По данным метаанализа, проведенного Р. Мустафаоглу с соавт. [33], интеллектуальное развитие современных детей страдает из-за чрезмерного воздействия технологий. Делается вывод о том, что раннее внедрение компьютеров в жизнь детей может иметь

негативные последствия для их социальной жизни.

В публикациях представлены и другие мнения, согласно которым выводы о негативном влиянии технологий на современных детей в значительной степени преувеличены. Анализируя психологическое благополучие современных детей, Д. Кардефельт-Винтер [31] утверждает, что, хотя цифровые технологии могут оказать некоторое небольшое негативное влияние, при рациональном употреблении они оказывают на ребенка положительный обучающий эффект. А. А. Силаева с соавт. [23] приходят к выводу, что, несмотря на негативные факторы влияния информационных технологий, полностью исключать их из среды ребенка нельзя, так как при умеренном использовании они приносят пользу и могут способствовать интеллектуальному развитию дошкольника. М. Ю. Стожарова с соавт. [24] считают, что применение цифровой образовательной среды в дошкольных учреждениях способствует увеличению объема знаний у детей, а также актуализирует их основные мыслительные процессы. В то же время авторами подчеркивается важность использования цифровых технологий ребенком *совместно* с родителями или педагогами, так как бесконтрольное их использование может пагубно сказаться на психическом развитии ребенка.

Как бы то ни было, следует констатировать существенное изменение социокультурной ситуации, в которой разворачивается развитие человека, и это не может не отражаться на формировании его *психической деятельности*. По данным Х. Машра [32], процент детей, активно использующих цифровые устройства в своей жизни, ежегодно возрастает, а возраст, с которого дети начинают ими пользоваться, стремительно снижается и в настоящее время достигает первого года жизни. Это влечет за собой, по классификации М. Ш. Магомед-Эминова [19], возникновение *искусственной трансформации* психической деятельности, т. е.

таких процессов, которые происходят под влиянием систематического организованного воздействия.

Таким образом, констатация факта изменения социокультурных условий психического развития человека требует осмысления и изучения тех адаптационных трансформаций, которые происходят в его психической деятельности. Это и определило *цель* настоящего исследования: изучить особенности формирования познавательных психических процессов и личностных характеристик обследуемых, психическое развитие которых происходило на современном социокультурном этапе экспансии информационной среды.

В данной публикации представлены результаты серии исследований, проведенных на кафедре клинической психологии и психологической помощи РГПУ им. А. И. Герцена, в которых был использован метод сопоставления результатов архивных данных, полученных в доцифровую эпоху, с результатами собственных современных эмпирических обследований, точно воспроизводящих методики и способ анализа архивных работ.

Результаты

При изложении результатов будут последовательно описаны выявленные особенности по каждому экспериментально-психологическому исследованию.

Исследование особенностей формирования мышления современных дошкольников с нормативным и задержанным развитием

Сравнивались результаты исследования 1982 г. [25] с результатами, полученными в аналогичном исследовании 2019 г., в которых изучались особенности мышления детей подготовительных групп детского сада с задержкой психического развития (далее — ЗПР) в сравнении с таковыми у их нормативно развивающихся сверстников. Группу детей архивного исследования составляли

34 ребенка с ЗПР, контрольную группу — 20 детей с нормативным развитием (средний возраст детей — 6,5 лет). Численность групп детей современного исследования с ЗПР и нормативно развивающихся составили по 15 человек в каждой. Средний возраст исследованных детей сопоставим (6,5 лет в каждой из групп).

С современными дошкольниками была проведена серия из нескольких экспериментов. В данной работе в качестве наиболее показательных приводятся результаты исследования словесно-логического мышления — методика «Осуществление выводов на основе двух исходных суждений». Изучалась возможность делать умозаключения на основе двух исходных суждений, например: «Корова приносит пользу, лошадь тоже приносит пользу, и собака приносит пользу. Корова, лошадь и собака — домашние животные. Значит...» Задание состояло из трех пар суждений. Фиксировалось количество правильных ответов, данных либо самостоятельно, либо при разных вариантах помощи взрослого. Помощь в первом варианте состояла в повторении задания с предложением послушать еще раз и подумать. Во втором варианте помощь состояла в повторении с последующим наводящим вопросом (например, «Значит... что можно сказать про домашних животных?»). Результаты представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, во всех сопоставляемых группах получены статистически значимые различия ($p < 0,01$), свидетельствующие о том, что современные дошкольники испытывают большие трудности при выполнении заданий, где нужно оперировать понятиями и свойствами очевидно им знакомыми, но не представленными в момент эксперимента наглядно. Современные старшие дошкольники, как с ЗПР, так и с нормативным развитием, менее успешно делают умозаключения при операциях словами, когда стимульный материал не предъявляется в виде предметов или их изображений.

Таблица 1

Количество правильно выполненных заданий на исследование словесно-логического мышления детьми сопоставляемых групп

Table 1

Number of correctly completed tasks to study verbal-logical thinking in children of the compared groups

Группы исследованных детей	Способ выполнения задания	Количество правильно выполненных заданий на умозаключение по двум исходным суждениям (%)		Критерий Фишера; достоверность различий
		архивное исследование	современное исследование	
ЗПР	самостоятельно	15	0	$\varphi = 2,57; p < 0,01$
	при помощи первого вида	5	0	$\varphi = 0,46; p > 0,01$
	при помощи второго вида	53	0	$\varphi = 5,27; p < 0,01$
	не справился с заданием	27	100	$\varphi = 6,09; p < 0,01$
Норма	самостоятельно	80	20	$\varphi = 3,77; p < 0,01$
	при помощи первого вида	15	7	$\varphi = 0,76; p > 0,01$
	при помощи второго вида	5	0	$\varphi = 1,32; p > 0,01$
	не справился с заданием	0	73	$\varphi = 6,00; p < 0,01$

Исследование особенностей мышления современных практически здоровых студентов вуза

Данные, полученные А. А. Грековой [2] на современном социокультурном этапе (в 2019 г.), сопоставлялись с архивными данными более ранних периодов. Ею были обследованы 442 студента вузов: программисты (среднее по возрасту $19,17 \pm 0,9$), инженеры-конструкторы ($21,4 \pm 0,7$), инженеры-технологии ($23,7 \pm 1,3$), педагоги ($25,15 \pm 3,1$). 52% респондентов мужского пола, 48% — женского пола. Все респонденты являлись успешными в учебной деятельности и социально адаптированными.

Экспериментальное патопсихологическое исследование (методики «Классификация предметов», «Исключение лишнего», «Сравнение понятий», пиктограммы) выявило особенности операциональной стороны и мотивационного компонента мышления у современных практически здоровых, успешных в учебе и социально-адаптированных студентов вузов ($n = 442$). Особенности мышления конкретизируются во множественных

вариантах классически ненормативных обобщений, сходных по форме с патопсихологическими симптомами, ранее описываемыми при эндогенном процессе. Ненормативные ответы составили 23% от всех ответов в основной выборке. Средний показатель ненормативных ответов на человека равен 3,5. Частота встречаемости четырех и более ненормативных ответов отмечается минимум у 40% респондентов и максимум у 75% респондентов разных направлений обучения.

Все ненормативные обобщения представляют собой результат мыслительных операций, основанных на множестве разноплановых признаков и связей между ними, и не соотнесенных с классической иерархией родовых/видовых категориальных признаков понятий. Такие признаки понятий по нормативам медицинской психологии расцениваются как незначимые и второстепенные. Мыслительные операции с классически «незначимыми» признаками по форме сходны с патопсихологическими симптомами нарушений операциональной стороны мышления.

Обобщения, не соответствующие когнитивной задаче (разноплановость, резонерство, амбивалентность), обобщения на основании нереальных признаков и свойств понятий (неадекватность), сравнение несравнимых понятий на основании собственных ценностей и житейского опыта были отнесены к особенностям мотивационного компонента мышления (рис. 1).

Данные особенности мышления могут быть означены как псевдопатопсихологические формы (далее — ППФ) мышления, поскольку у респондентов сохраняется произвольность мыслительной деятельности: они гибко оперирует всевозможными, множественными признаками понятий при решении когнитивных задач. Выявленные схе-

мы мышления реализуются респондентами на основе произвольного и осмысленного выбора при сохранении переживания ценности и связи с собственными потребностями, что и отличает псевдопатопсихологические особенности мышления от патопсихологических симптомов нарушения мышления при эндогенном процессе.

В психологическом аспекте псевдопатопсихологические особенности мышления представляют собой проявления изменений в отношениях «знак — значение». Псевдопатопсихологические особенности мышления были операционализированы и означены через три типа психосемиотических механизмов: переозначивание (надстраивание знаков над знаками), абстрагирование (над

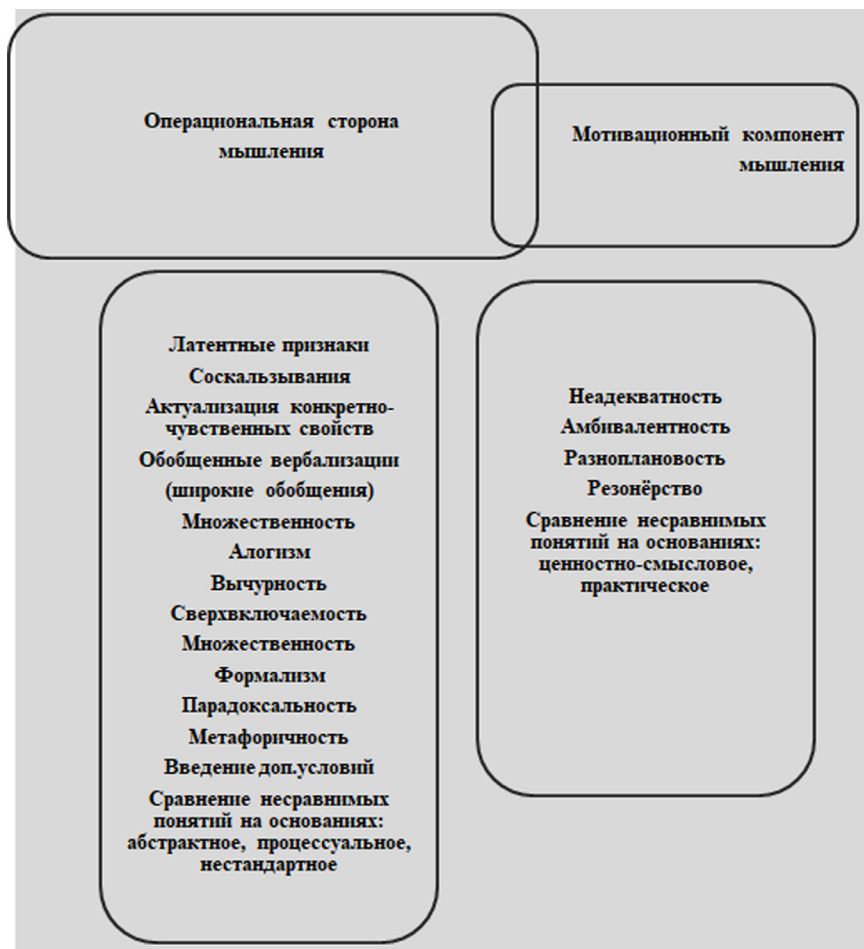

Рис. 1. Особенности мышления и формы псевдопатопсихологических феноменов мышления
 Fig. 1. Features of thinking and forms of pseudopathopsychological phenomena of thinking

знаком надстраивается знак широкого порядка и соотносится со значением), редукция (выделяется частное свойство знака и соотносится со значением).

Ряд ППФ мышления (соскальзывания, разноплановость, резонерство, неадекватность и др.) операционально представляют собой надстраивание знаков над знаками. Например, респондент сравнивает яблоко и книгу: «Сходство — путь к истине. Он открылся, как только Адам и Ева вышли из ворот Рая, благодаря Яблоку, и он продолжается благодаря книгам». Респондент видит перед собой два предмета, эти предметы рожают у него какое-то впечатление (персональный знак надстраивается над изначальным знаком), и он следует за своим ходом мыслей, все время надстраивая все новые знаки (рис. 2).

Широкие обобщения, парадоксальность, сверхвключаемость операционально происходят через надстраивание над первоначальным знаком знака более широкого порядка, на который уже и нанизывается значение. Например, респондент сравнивает яблоко и книгу: «Оба предмета являются плодами. Яблоко — плод дерева, книга — плод человеческого труда, сделанный из древесины» (рис. 3).

Латентные признаки, актуализация конкретно-чувственных свойств и некоторые

другие ППФ мышления операционально представляют собой редукцию изначального знака и нанизывание значений на несущественные признаки понятий.

Исследование графических образов понятий («Пиктограммы») подтверждает выявленные в вербальных патопсихологических методиках («Исключение лишнего», «Сравнение понятий») особенности мышления: отсутствие тесной связи «знака» с человеческой деятельностью (а значит, с существенными признаками понятий, т. е. с родовыми/видовыми категориями). На уровне графических репрезентем это проявляется в уменьшении количества изображений человека, увеличении числа графических, абстрактных символов в пиктограммах [1].

Исследование особенностей расстройства мышления у современных больных шизофренией

О. А. Литвиненко был проведен сравнительный анализ бредообразования при дебюте шизофрении у больных, рожденных в разные социокультурные периоды [16]. Он использовал клинико-биографический (анамнестический) метод и метод качественно-количественного анализа содержания описаний в историях болезней (качественно-количественный контент-анализ и структурно-

Рис. 2. Схема психосемиотического механизма «Переозначивание»

Fig. 2. A pattern of the psychosemiotic mechanism of resignification

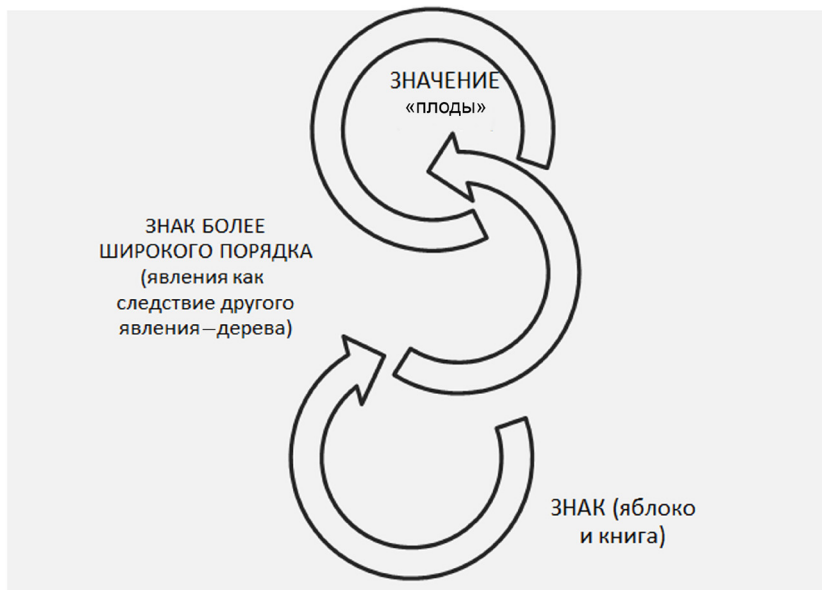

Рис. 3. Схема психосемиотического механизма абстрагирования
 Fig. 3. A pattern of the psychosemiotic mechanism of abstraction

семиотический анализ содержания текстов). Работа проводилась на базе стационаров психиатрических больниц. По результатам сравнительного анализа социокультурных условий, в которых осуществлялось формирование личности больных, были сформированы три группы, причем так, чтобы больные дошкольного и младшего школьного возраста приходились на один из трех выделенных периодов социокультурной динамики в российском обществе (рожденные с 1972 по 1979 г., с 1982 по 1984 г., с 1989 по 1994 г.).

Было выявлено, что социокультурные условия формирования и развития личности до 7–8 лет транслируются в содержательном аспекте бредовых фабул больных шизофренией, главным образом формируя их структуру. Структуры бредовой фабулы у представителей трех изученных поколений представлены на рис. 4–6.

На рисунке 4 показано, что содержание бредовых идей больных первого поколения (1972–1979 гг. рождения), развитие которых осуществлялось в условиях, детерминирован-

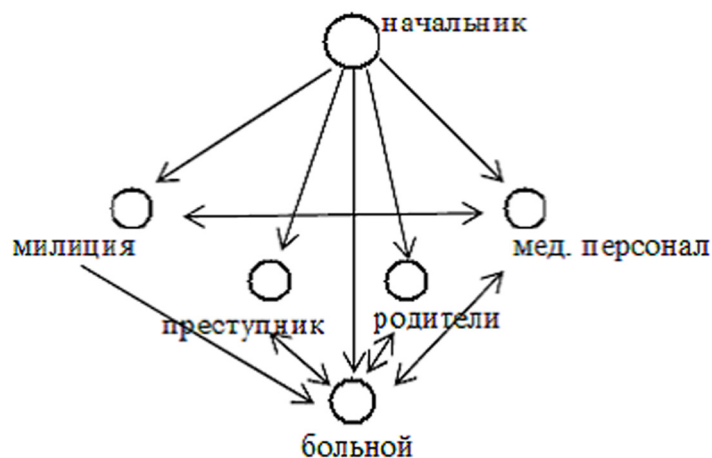

Рис. 4. Структура бредовой фабулы у представителя первого поколения
 Fig. 4. The structure of a delusional plot in a representative of the first generation

ных идеологией норм социального поведения, характеризуется целостной структурой иерархического типа.

Как видно из рисунка 5, во втором поколении больных (1982–1984 гг. рождения) целостность структуры бреда частично сохраняется, однако иерархичность отношений персонажей бреда становится менее определенной.

В третьем поколении больных (1989–1994 гг. рождения) отсутствует иерархическая характеристика структуры бреда, выявляется тенденция к отдельным сюжетным линиям в бредовых фабулах без их контекстуальной связи. Воздействующие на больных третьего поколения фигуры редко олицетворяются с конкретными персонажами. Таким образом, анализ динамики структуры

бредовой фабулы у больных шизофренией в трех поколениях показывает разрушение ее иерархической системы, а также усиление трудности идентификации персонажей бредового переживания.

Исследование личностных особенностей современных подростков с нормативным и девиантным поведением

Методологическим основанием является положение В. Н. Мясищева о том, что личность — это высшее интегральное понятие, совокупность отношений человека с миром, обозначая при этом ее и как объект, и как субъект. В процессе формирования личности окружающая реальность воздействует на нее как на объект, преломляясь через физиологи-

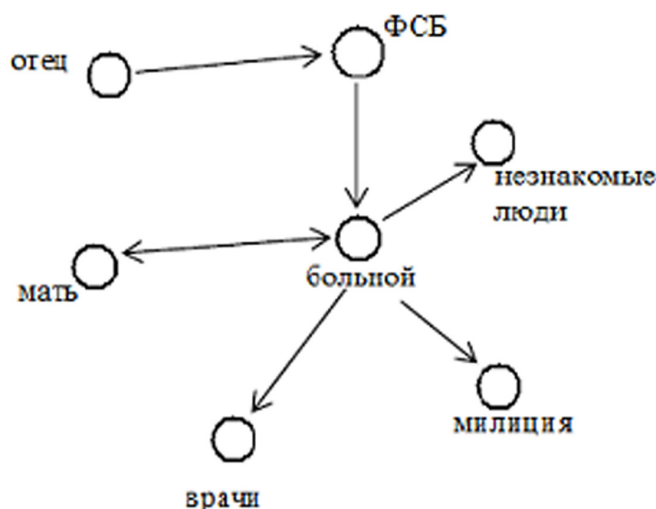

Рис. 5. Структура бредовой фабулы у представителя второго поколения
 Fig. 5. The structure of a delusional plot in a representative of the second generation

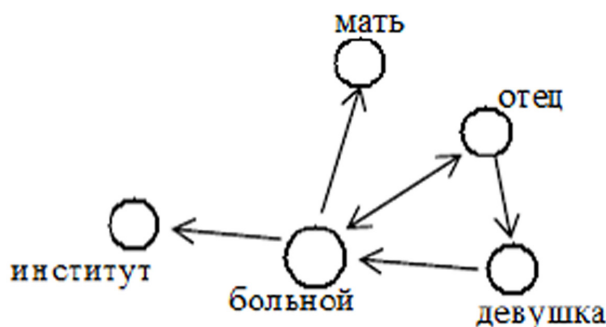

Рис. 6. Структура бредовой фабулы у представителя третьего поколения
 Fig. 6. The structure of a delusional plot in a representative of the third generation

ческие и генотипические особенности человека. Психическая реальность как внутренний «субъективный» мир личности проявляется в системе его отношений. В проведенном Е. И. Осташевой с соавт. исследовании [3] были сопоставлены эмоциональный и когнитивный компоненты отношений современных подростков с девиантным поведением к социальному окружению и общественным явлениям, а также к себе и собственному будущему. Полученные данные сопоставлялись с данными архивных исследований, проведенных в НИПНИ им В. М. Бехтерева во второй половине прошлого века. Использовались клинико-психологический метод и экспериментально-психологические методики: «Незаконченные предложения», «Тематический апперцептивный тест», Патохарактерологический диагностический опросник.

Было обнаружено, что в поколении подростков, формирование личности которых происходило в условиях моноидеологии, коллективизма и иерархии, примата общественного над личным, система отношений личности представлена иерархической структурой, в которой доминирует ориентация на социальное окружение, общественные события и явления. Представления о временной перспективе определяются стремлением к полноценному включению в социальную деятельность, предполагающую саморазвитие, образование. В поколении подростков, формирование личности которых происходит в современной социокультурной ситуации, отношения характеризуются фрагментированностью, противоречивостью, слабой осознанностью. Для современных подростков характерны ограниченность сферы социальных взаимодействий, низкая значимость общественных институтов социализации, отсутствие авторитетных фигур, локализация временной перспективы в настоящем, фиксация на самочувствии и его нарушениях. Выявленные особенности системы личностных отношений современных подростков наиболее отчетливо проявляются у подростков с девиантным поведением. Психологическими детерминантами девиантного поведения современных подростков выступают

следующие характеристики системы отношений личности: слабая артикулированность, вариативность социальных норм при отсутствии образа значимого *Другого*, сужение социальных контактов, затрудняющих формирование отношения к себе; фрагментарный характер стержневого регуляторного компонента системы отношений личности — отношения к себе; снижение способности к рефлексии собственных переживаний и обусловленные этим нарушения целенаправленности, импульсивный характер поведения [3]. В качестве возможных последствий размывания социальной иерархии авторы называют: ослабление самоидентичности, его виртуализация, усиление инфантилизма и нарциссизма, множественность форм девиаций.

Обсуждение результатов

Согласно культурно-исторической теории Л. С. Выготского [8], формирование и развитие психики человека происходит в его взаимодействии с социальной средой. При этом периоды детства и юношества являются сензитивными возрастными этапами, характеризующимися повышенной восприимчивостью к средовым воздействиям.

В условиях активного проникновения информационно-среды во все аспекты жизни современного человека и виртуализации ведущих видов деятельности всех поколений можно наблюдать адаптивные изменения, начинающиеся уже в раннем детстве. Процесс интериоризации — перехода психической деятельности от внешних действий реального мира к действиям внутренним, происходящим в психической реальности, — у современного ребенка приобретает качественно новый характер. Осваивая общепринятые практики повсеместного использования смартфонов для удовлетворения возникающих потребностей (от заказа еды и включения бытовых приборов до общения, познания и творчества), дети не только формируют новые представления о реальности, новые умения и навыки, но, адаптируясь, качественно изменяют способы оперирования этой реальностью, формируют иные ценностные ориентации. Это соотносится

с теорией психологических систем, которая постулирует, что «психологическая система сохраняется в психологическом пространстве до тех пор, пока на неё не воздействуют внешние или внутренние побудительные силы» [28, с. 85]. В данном случае появление информационной среды можно рассматривать как новую внешнюю побудительную силу, адаптация к которой требует системных изменений всей организации психической деятельности человека. Можно предположить, что это связано с развеществлением знаковой системы (слов), которое проявляется «полисемантикой» знаков, характерной для медийной презентации мира.

Как показывают наши исследования, данные особенности изменения психической деятельности, выявленные для нормативного развития, аналогично проявляются у представителей современной популяции с нарушенным развитием, осложняясь при этом факторами конкретной патологии.

Заключение

Таким образом, было установлено, что современные старшие дошкольники, как с нормативным, так и с задержанным развитием, менее успешно, чем их ровесники в прошлом,

делают умозаключения при оперировании словами без опоры на наглядность. Практически здоровые студенты в патопсихологическом исследовании мышления опираются на латентные (слабые) признаки предметов, что ранее квалифицировалось как особенность мышления при шизофрении. Современные больные шизофренией продуцируют бред, морфологически существенно отличающийся от бреда больных прежних поколений. Личностные отношения современных подростков также отличаются в своей системной организации низкой значимостью общественных институтов социализации, отсутствием авторитетных фигур, локализацией временной перспективы в настоящем, фиксацией на самочувствии и его нарушениях, обнаруживая эгоцентрическую, а не социоцентрическую (как было ранее) направленность.

В качестве перспектив использования полученных результатов можно обозначить области разработки задач обучения и воспитания в связи с изменениями условий жизнедеятельности современных детей и подростков, а также уточнения категорий нормы и отклоняющегося развития в связи с проблемами психологической диагностики и экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алёхин А. Н., Грекова А. А. «Псевдопсихопатологические» формы мышления в современных условиях // Вестник психотерапии. 2018. № 66 (71). С. 137–151.
2. Алёхин А. Н., Грекова А. А. Особенности формирования мышления в условиях цифровой среды // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 162–176. <https://www.doi.org/10.17759/crpe.2019080110>
3. Алёхин А. Н., Осташева Е. И., Литвиненко О. А. Социокультурные аспекты формирования отношений личности // UNIVERSUM: Вестник Герценовского университета. 2014. № 3–4. С. 130–135.
4. Асфандиярова Г. Р. Влияние современных информационных технологий на личность дошкольника // Модернизация системы профессионального образования на основе регулируемого эволюционирования: материалы XVII Международной научно-практической конференции / под ред. Д. Ф. Ильёва. Челябинск: Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования, 2018. С. 96–99.
5. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
6. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи — о молодежи, для молодежи // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления: материалы Всероссийской научно-практической конференции, памяти профессора Валерия Трофимовича Шапко (Екатеринбург, 28 февраля 2014 г.). Т. 1 / под ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2014. С. 5–9.
7. Воротынцева К. В., Ерофеева Т. Н. Геймификация в дошкольном образовании: «за» и «против» // Традиции и новации в дошкольном образовании. 2017. № 4 (4). С. 61–63.
8. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.

9. Емелин В. А., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш. Психологические последствия развития информационных технологий // Национальный психологический журнал. 2012. № 1 (7). С. 81–87.
10. Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 14–24.
11. Зеленский В. В. Толковый словарь по аналитической психологии. 3-е изд. М.: Когито-Центр, 2008. 336 с.
12. Карр Н. Пустышка. Что интернет делает с нашими мозгами. СПб.: BestBusinessBooks, 2012. 356 с.
13. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Высшая школа экономики, 2000. 606 с.
14. Кузнецов О. Н., Лебедев В. И. Психология и психопатология одиночества. М.: Медицина, 1972. 336 с.
15. Курбатов В. И. Символическое, виртуальное, сетевое мышление: новая эпоха или эпоха новостей // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1. С. 64–74.
16. Литвиненко О. А. Онтогенетические предпосылки особенностей бредообразования при дебюте шизофрении: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2015. 141 с.
17. Луков В. А., Павлов А. В. Конструирование человека в свете тезаурусной концепции молодежи // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. № 4. С. 81–93.
18. Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974. 172 с.
19. Магомед-Эминов М. Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2009. 570 с.
20. Мирошкина М. Р. Интерпретации теории поколений в контексте российского образования // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 30–35.
21. Павлова Е. Д. Сознание в информационном пространстве. М.: Academia, 2007. 688 с.
22. Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 145 с.
23. Силаева А. А., Малева А. А. Использование современных компьютерных технологий в развитии познавательной активности дошкольников // Информационные технологии в образовательном процессе вуза и школы: материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. А. Малевой. Воронеж: Научная книга, 2019. С. 135–139.
24. Стожарова М. Ю., Забродина Н. А. Использование возможностей цифровой образовательной среды в формировании мыслительных операций детей старшего дошкольного возраста // Перспективы науки и образования. 2021. № 5 (53). С. 289–305. <https://www.doi.org/10.32744/pse.2021.5.20>
25. Стрекалова Т. А. Формирование логического мышления у дошкольников с задержкой психического развития: дис. ... канд. психол. наук. М., 1982. 166 с.
26. Султанова А. С., Иванова И. А. К проблеме нормативных показателей в патопсихологической диагностике // Клиническая и специальная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 83–96. <https://doi.org/10.17759/crpe.2017060207>
27. Филь М. А. Влияние электронных гаджетов на развитие детей дошкольного возраста // Молодой исследователь: вопросы науки и практики: материалы региональной научно-практической конференции (8 февраля 2018 г., г. Славянск-на-Кубани) / под ред. Т. С. Анисимовой, Т. В. Суняйкиной, Л. Н. АLEXИНОЙ. Славянск-на-Кубани: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2018. С. 141–147.
28. Халил Л. Психологические системы. Классификация и основные законы. Уфа: Монография, 2005. 191 с.
29. Ярославцева Е. И. Философия цифрового пространства // Гуманитарные чтения РГГУ — 2008: конференции, научные семинары / под ред. Е. И. Пивовара. М.: Изд-во РГГУ, 2009. С. 71–89.
30. Griffiths M. D. A “components” model of addiction within a biopsychosocial framework // Journal of Substance Use. 2005. No. 10. P. 191–197.
31. Kardefelt-Winther D. How does the time children spend using digital technology impact their mental well-being, social relationships and physical activity? An evidence-focused literature review. Florence: UNICEF Office of Research — Innocenti Publ., 2017. 37 p.
32. Mashrah H. T. The impact of adopting and using technology by children // Journal of Education and Learning. 2017. Vol. 11. No. 1. P. 103–110. <https://doi.org/10.11591/edulearn.v11i1.5588>
33. Mustafaoglu R., Zirek E., Yasaci Z., Özdingler A. R. The negative effects of digital technology usage on children’s development and health // Addicta: The Turkish Journal on Addictions. 2018. Vol. 5. No. 2. P. 227–247. <http://doi.org/10.15805/addicta.2018.5.2.0051>

34. *Prensky M.* Digital natives, digital immigrants. Part 1 // *On the Horizon*. 2001. Vol. 9. No. 5. P. 1–6. <https://doi.org/10.1108/10748120110424816>

35. *Tapscott D.* Grown up digital: How the Net Generation is changing your world. New York: McGraw-Hill Professional Publ., 2008. 368 p.

REFERENCES

1. *Alekhin A. N., Grekova A. A.* “Psevdopsikhopatologicheskie” formy myshleniya v sovremennykh usloviyakh // *Vestnik psikhoterapii*. 2018. № 66 (71). S. 137–151.

2. *Alekhin A. N., Grekova A. A.* Osobennosti formirovaniya myshleniya v usloviyakh tsifrovoy sredy // *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*. 2019. T. 8. № 1. S. 162–176. <https://www.doi.org/10.17759/cpse.2019080110>

3. *Alekhin A. N., Ostasheva E. I., Litvinenko O. A.* Sotsiokul'turnye aspekty formirovaniya otnoshenij lichnosti // *UNIVERSUM: Vestnik Gertsenovskogo universiteta*. 2014. № 3–4. S. 130–135.

4. *Asfandiyarova G. R.* Vliyaniye sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy na lichnost' doshkol'nika // *Modernizatsiya sistemy professional'nogo obrazovaniya na osnove reguliruemogo evolyutsionirovaniya: materialy XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii / pod red. D. F. Il'yasova*. Chelyabinsk: Chelyabinskij institut perepodgotovki i povysheniya kvalifikatsii rabotnikov obrazovaniya, 2018. S. 96–99.

5. *Bauman Z.* *Tekuchaya sovremennost'*. SPb.: Piter, 2008. 240 s.

6. *Vishnevskij Yu. R., Shapko V. T.* Sotsiologiya molodezhi — o molodezhi, dlya molodezhi // *Aktual'nye problemy sotsiologii molodezhi, kul'tury, obrazovaniya i upravleniya: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, pamyati professora Valeriya Trofimovicha Shapko (Ekaterinburg, 28 fevralya 2014 g.)*. T. 1 / pod red. Yu. R. Vishnevskogo. Ekaterinburg: Ural'skij federal'nyj universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina, 2014. S. 5–9.

7. *Vorotyntseva K. V., Erofeeva T. N.* Gejmifikatsiya v doshkol'nom obrazovanii: “za” i “protiv” // *Traditsii i novatsii v doshkol'nom obrazovanii*. 2017. № 4 (4). S. 61–63.

8. *Vygotskij L. S.* *Psikhologiya razvitiya cheloveka*. M.: Smysl; Eksmo, 2005. 1136 s.

9. *Emelin V. A., Rasskazova E. I., Tkhostov A. Sh.* Psikhologicheskie posledstviya razvitiya informatsionnykh tekhnologiy // *Natsional'nyj psikhologicheskij zhurnal*. 2012. № 1 (7). S. 81–87.

10. *Emelin V. A., Tkhostov A. Sh.* Deformatsiya khronotopa v usloviyakh sotsiokul'turnogo uskoreniya // *Voprosy filosofii*. 2015. № 2. S. 14–24.

11. *Zelenskij V. V.* *Tolkovyj slovar' po analiticheskoy psikhologii*. 3-e izd. M.: Kogito-Tsent, 2008. 336 s.

12. *Karr N.* *Pustyshka. Chto internet delaet s nashimi mozgami*. SPb.: BestBusinessBooks, 2012. 356 s.

13. *Kastel's M.* *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. M.: Vysshaya shkola ekonomiki, 2000. 606 s.

14. *Kuznetsov O. N., Lebedev V. I.* *Psikhologiya i psikhopatologiya odinochestva*. M.: Meditsina, 1972. 336 s.

15. *Kurbatov V. I.* Simvolicheskoe, virtual'noe, setevoe myshlenie: novaya epokha ili epokha novostej // *Gumanitarnij Yuga Rossii*. 2013. № 1. S. 64–74.

16. *Litvinenko O. A.* *Ontogeneticheskie predposylki osobennostej breodobrazovaniya pri debyute shizofrenii: dis. ... kand. psikhol. nauk*. SPb., 2015. 141 s.

17. *Lukov V. A., Pavlov A. V.* *Konstruirovaniye cheloveka v svete tezaurusnoj kontseptsii molodezhi // Informatsionnyj gumanitarnyj portal “Znanie. Ponimanie. Umenie”*. 2015. № 4. S. 81–93.

18. *Luriya A. R.* *Ob istoricheskom razvitii poznavatel'nykh protsessov*. M.: Nauka, 1974. 172 s.

19. *Magomed-Eminov M. Sh.* *Deyatel'nostno-smyslovoj podkhod k psikhologicheskoy transformatsii lichnosti: dis. ... d-ra psikhol. nauk*. M., 2009. 570 s.

20. *Miroshkina M. R.* Interpretatsii teorii pokolenij v kontekste rossijskogo obrazovaniya // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2017. № 6. S. 30–35.

21. *Pavlova E. D.* *Soznanie v informatsionnom prostranstve*. M.: Academia, 2007. 688 s.

22. *Rubinshtejn S. L.* *O myshlenii i putyakh ego issledovaniya*. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1958. 145 s.

23. *Silaeva A. A., Maleva A. A.* Ispol'zovanie sovremennykh komp'yuternykh tekhnologiy v razvitii poznavatel'noj aktivnosti doshkol'nikov // *Informatsionnye tekhnologii v obrazovatel'nom protsesse vuza i shkoly: materialy XIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / pod red. A. A. Malevoj*. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2019. S. 135–139.

24. *Stozharova M. Yu., Zabrodina N. A.* Ispol'zovanie vozmozhnostej tsifrovoy obrazovatel'noj sredy v formirovanii myslitel'nykh operatsij detej starshego doshkol'nogo vozrasta // *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2021. № 5 (53). S. 289–305. <https://www.doi.org/10.32744/pse.2021.5.20>

25. *Strekalova T. A.* Formirovanie logicheskogo myshleniya u doshkol'nikov s zaderzhkoj psikhicheskogo razvitiya: dis. ... kand. psikhol. nauk. M., 1982. 166 s.
26. *Sultanova A. S., Ivanova I. A.* K probleme normativnykh pokazatelej v patopsikhologicheskoy diagnostike // *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*. 2017. T. 6. № 2. С. 83–96. <https://doi.org/10.17759/cpse.2017060207>
27. *Fil' M. A.* Vliyanie elektronnykh gadzhetov na razvitie detej doshkol'nogo vozrasta // *Molodoj issledovatel': voprosy nauki i praktiki: materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferentsii (8 fevralya 2018 g., g. Slavyansk-na-Kubani) / pod red. T. S. Anisimovoj, T. V. Sunyajkinoj, L. N. Alekhinoj*. Slavyansk-na-Kubani: Mezhtsentr regional'nyj tsentr innovatsionnykh tekhnologij v obrazovanii, 2018. S. 141–147.
28. *Khalil L.* Psikhologicheskie sistemy. Klassifikatsiya i osnovnye zakony. Ufa: Monografiya, 2005. 191 s.
29. *Yaroslavtseva E. I.* Filosofiya tsifrovogo prostranstva // *Gumanitarnye chteniya RGGU — 2008: konferentsii, nauchnye seminary / pod red. E. I. Pivovara*. M.: Izd-vo RGGU, 2009. S. 71–89.
30. *Griffiths M. D.* A “components” model of addiction within a biopsychosocial framework // *Journal of Substance Use*. 2005. No. 10. P. 191–197.
31. *Kardefelt-Winther D.* How does the time children spend using digital technology impact their mental well-being, social relationships and physical activity? An evidence-focused literature review. Florence: UNICEF Office of Research — Innocenti Publ., 2017. 37 p.
32. *Mashrah H. T.* The impact of adopting and using technology by children // *Journal of Education and Learning*. 2017. Vol. 11. No. 1. P. 103–110. <https://doi.org/10.11591/edulearn.v11i1.5588>
33. *Mustafaoğlu R., Zirek E., Yasaci Z., Özdiñçler A. R.* The negative effects of digital technology usage on children's development and health // *Addicta: The Turkish Journal on Addictions*. 2018. Vol. 5. No. 2. P. 227–247. <http://doi.org/10.15805/addicta.2018.5.2.0051>
34. *Prensky M.* Digital natives, digital immigrants. Part 1 // *On the Horizon*. 2001. Vol. 9. No. 5. P. 1–6. <https://doi.org/10.1108/10748120110424816>
35. *Tapscott D.* Grown up digital: How the Net Generation is changing your world. New York: McGraw-Hill Professional Publ., 2008. 368 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЁХИН Анатолий Николаевич — *Anatoly N. Alekhin*

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

SPIN-код: [8042-3024](https://orcid.org/0000-0002-6487-0625), Scopus AuthorID: [56661970100](https://orcid.org/56661970100), ORCID: [0000-0002-6487-0625](https://orcid.org/0000-0002-6487-0625), e-mail: termez59@mail.ru

Доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой клинической психологии и психологической помощи.

БЕЛЯЕВА Светлана Игоревна — *Svetlana I. Belyaeva*

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

SPIN-код: [6354-7944](https://orcid.org/0000-0002-8014-5407), Scopus AuthorID: [57226876191](https://orcid.org/57226876191), ORCID: [0000-0002-8014-5407](https://orcid.org/0000-0002-8014-5407), e-mail: belyaevasveta@inbox.ru

Кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии и психологической помощи.

Поступила в редакцию: 8 сентября 2023.

Прошла рецензирование: 25 сентября 2023.

Принята к печати: 26 октября 2023.